

УДК 82В. Шаров „Воскрешение Лазаря”

Ирина Ащеулова

ЧУДО КАК СИТУАЦИЯ ДУХОВНОГО ПОИСКА В ИСТОРИИ (РОМАН В. ШАРОВА „ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ”)

Розглядається роман відомого російського письменника В. Шарова „Воскресіння Лазаря” (2003). В контексті постмодерністської „псевдоісторичної” прози категорія чуда, чудесного, містичного не стільки профанується, скільки слугує основній авторській стратегії – виявити в російській історії, зокрема, в події Жовтневої революції 1917 року і наступних політичних репресіях, різні варіанти сприйняття історії та пошуку багатьма людьми духовної прози в новій соціальній реальності.

***Ключові слова:** чудо, постмодернізм, історія, псевдоісторія, особистість, ідея, категорія вчинку, особиста відповідальність, В. Шаров.*

В современной литературной критике имя Владимира Шарова связывается с квазиисторическим дискурсом постмодернистской „псевдоисторической” прозы. Все романы Шарова – „След в след” (1991), „Репетиции” (1992), „До и во время” (1993), „Старая девочка” (1998), „Воскрешение Лазаря” (2003), „Будем как дети” (2008) – о русской истории, об её альтернативных вариантах и повторяющихся моделях, о возможности русского человека прожить жизнь по-другому.

Постмодернистское восприятие истории определяют (например, М. Липовецкий [5], В. Курицын [4], И. Скоропанова [8]) такими моментами, как игра, ирония, интертекстуальность, возможность использования сослагательного наклонения по отношению к историческому событию, его незавершенность. Поэтому исторический дискурс, предполагающий выход к исторической истине, к пониманию закономерностей исторического процесса, заменяется на дискурс „псевдоисторический”; значение категории „псевдо” раскрыл М. Эпштейн: „преступление границ реальности, нарастание иллюзорности, что характерно для второй половины XX века, постепенное осознание мнимости предшествующих построений” [14, с. 31]. Семантика „псевдо” выражена и в историческом дискурсе как возможность множественных интерпретаций исторического события, когда история рассказывает о себе сама голосами свидетелей, текстов, документов. Кризис аксиологических ценностей, неверие в существование абсолютной истины, в том числе исторической, более проявилась в постмодернистской литературе.

В. Шарова как историка по образованию и как писателя привлекает возможность в художественном тексте с помощью переосмысления множества исторических, философских, социологических, художественных текстов предложить собственную интерпретацию важнейшего исторического события XX века – революции 1917 года,

повлиявшего на судьбы нескольких поколений людей в России и Европе. Как он сам утверждает: „Я пытаюсь понять, что такое революция, почему она была, что было после революции, чем люди руководствовались, когда её задумывали и совершали, когда мечтали о прекрасном и шли на чудовищные преступления ради неё. Пытаюсь понять для себя степень их наивности...” [13].

Роман „Воскрешение Лазаря” в сюжетной основе посвящен осмыслению революции и последующей судьбы России, поискам отдельными людьми и всей нацией своего места в новой реальности, в новой вере. Роман наследует эпистолярную традицию, не излагает последовательно развивающиеся события, а строится как ряд текстов, писем, написанных отцом к дочери в течение 1994 года. Автор писем безымяннен и выступает как посредник между настоящим и прошлым, рассказывая о ставших ему известными событиях и людях. Он восстанавливает сюжет жизни и мысли братьев Кульбарсовых, чуть не повторивших, по его мнению, судьбу Каина и Авеля в XX веке. Как читатель и интерпретатор чужих текстов, повествователь оказывается воскресителем остальных действующих лиц, воссоздавая в тексте другие жизни с правом на собственный голос. В романе создаётся многоуровневая структура „тексты в тексте”: повествователь цитирует найденные письма Николая Кульбарсова – философа-самоучки, стремившегося воскресить Россию; воспроизводит устные рассказы своей тетки Галины – келейницы отца Феоноста (Федора Кульбарсова) – и её предшественницы – Катерины Колпиной; приводит письма самой Кати Колпиной к своей двоюродной сестре и жене Николая Кульбарсова – Наталье Колпиной; переписка Натальи Колпиной с подругой Ниной Лемниковой; повествователь записывает рассказы встреченной на кладбище Ирины об её отце, Серегине; представляет конспекты найденных работ Серегина; упоминается книга рассказов писателя Моршанского, ученика Серегина и друга отца повествователя; в интерпретации Николая Кульбарсова пересказываются тексты Библии, Федорова, Толстого; в финале анализируется письмо Халюпина, последователя Толстого и Кульбарсова. В соединении текстов обнаруживается не только связь судеб разделенных во времени людей, возникает образ исторической связи идей, восстанавливающейся усилиями людей, ищущих смысл своего времени, духовную опору, вынужденных обращаться к духовным авторитетам прошлого, искать в распадающейся реальности знаки божественного присутствия, уповать на чудо. Категория чудесного означает поиск нравственных абсолютов множеством сознаний, представленных в романе. Можно выделить несколько уровней восприятия чуда в романе, представляющих в их взаимоотражении авторское понимание исторического процесса, его закономерностей и роль личностного сознания, слова, текста в нем.

В фундаментальном труде А.Ф. Лосева „Диалектика мифа” (1927) [7] точкой отсчета становится непроясненность вопроса о чуде в этнографии, философии, богословии. Одна из распространенных концепций гласит, „что чудо есть вмешательство высшей Силы или высших сил, и при том

особое вмешательство” [7, с. 538]. Подобную трактовку найдем и в „Толковом словаре” В.И. Даля („всякое явление, кое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы, диво” [3, т. 4, с. 612]), и в БЭС („сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божественной силы” [2, т. 2, с. 644]). Другая концепция гласит, что „чудо есть нарушение законов природы и прорыв в общем течении механистической вселенной” [7, с. 538]. По мнению Лосева, „совершенно беспомощна теория внушения, думающая объяснить чудо теми или другими состояниями психики того, кто является объектом чудесного воздействия, или формами взаимоотношения тех или других психических состояний” [7, с. 544]. Осмысливая различные представления о чуде, Лосев вскрывает в чуде взаимоотношение и столкновение двух планов действительности: „подлинного чудесного взаимоотношения личностных планов нужно искать не в сфере влияния одной личности на другую, но, прежде всего, в сфере одной и той же личности <...>, несомненно, это есть планы *внешнеисторический и внутренне-замысленный, как бы план заданности, преднамеренности и цели*” [7, с. 546] (курсив А.Ф. Лосева. – И.А.). Во взаимодействии идеального, абсолютного, принципиального и конкретно-исторического, временного – развивается чудесное. „Нужно считать удивительным, странным, необычным, чудесным, когда оказывается, что личность в своем историческом развитии вдруг, хотя бы на минуту, выражает и выполняет свой первообраз целиком, достигает предела совпадения обоих планов, становится тем, что сразу оказывается и веществом, и идеальным первообразом. *Это и есть настоящее место для чуда*” [7, с. 550] (курсив А.Ф. Лосева. – И.А.). Таким образом, под чудом философ понимает развитие и взаимодействие в личности идеального и исторического, категория чуда охватывает не только ряд личность – история – слово, но и сверхъестественное, необыкновенное, странное, необычное, чудо как „чисто мифическая отрешенность объединяется в единый синтез с явленностью, с символом, с самосознанием личности, с историческим событием и с самим словом – началом и истоком самого самосознания” [7, с. 537].

Религиозная концепция чуда представлена в статье П.А. Флоренского „О суеверии” (1904) [10]: „Чудо – в отношении к факту. Все может и все должно быть объяснимо научным образом, получить свою причину в мире явлений же; в этом смысле все естественно, совершается по законам. Но, поскольку Божество не может быть воспринимаемо и мыслимо только как трансцендентное миру, но и как имманентное, поскольку невозможен чистый деизм, – каждое явление, кроме такого научного понимания, может быть воспринято кем-нибудь в виде чуда; в этом смысле все чудесно, все может быть воспринимаемо как непосредственное творение благодати Божией. Если явление воспринимается так, что в нем сознанию является исключительно или почти исключительно Сила Божия – сила должного, вызывающего непосредственно явление; если вещь, как нечто самостоятельное, становится прозрачной и мы сквозь прозрачную оболочку усматриваем действующую в ней силу Благого, то это

восприятие существующего, как беспримесного результата деятельности Божества, можно назвать восприятием чуда, чудесным восприятием, а самое явление, поскольку и лишь поскольку оно так воспринимается, – чудом; мы в нем усматриваем непосредственную активность положительной силы” [10, с. 93].

Учитывая лосевскую концепцию восприятия чуда как символической реальности, где реализуется личностное начало как должное событие, и религиозное мировоззрение Флоренского о мире Божьем как чуде, выделим несколько уровней чудесного в романе. Во-первых, чудо как социальное и историческое явление – революционные изменения реальности, создание совершенно нового общества, государства, веры, идеи, человека („мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем”); во-вторых, чудо теистическое, проявляющееся в обыденной жизни и воспринимаемое народным сознанием (феномен юродства в романе); в-третьих, чудо индивидуальное, совершаемое человеком, убежденным в своей вере, постигаемое интеллектуальным сознанием. Объединение этих смыслов происходит в поэтике названия романа, что выражает авторскую стратегию.

Название романа отсылает к известному евангельскому сюжету о воскрешении Христом Лазаря. В контексте христианского учения этот сюжет интерпретируется как чудо, доказывающее божественную сущность Спасителя. В названии романа проявляется неопределённость концепта „воскрешение” субъекта и объекта действия. Этимологически существительное „воскрешение” связано с корнем „крѣсь” – „оживление, здоровье” [11, с. 93] и производно от глагола „воскресить” – „сделать вновь живым”, то есть обозначает действие субъекта, процесс возвращения жизни объекту. Слово „воскресать”, „воскреснуть” означает „стать вновь живым”, то есть процесс возвращения жизни в субъекте, а существительное „воскресение” означает – „стать вновь живым” (ср. воскресение Христа и воскрешение Лазаря Христом). В названии сделан акцент на действие извне субъекта либо силы, на проявление теистического чуда.

Имя Лазарь означает „Бог помог”, акцентируется вмешательство извне. Хотя в романе история библейского персонажа не воспроизведена буквально, его имя создаёт аллюзивные связи с двумя романскими сюжетами воскрешения. Почти пародийно события воскрешения представлены в „псевдоисторическом” сюжете инсценированного НКВД воскрешения Лазаря Кагановича, „железного наркома”, пережившего всех своих современников. Более опосредованно сюжет воскрешения Лазаря присутствует в изложении повествователем своих попыток воскресить отца, писателя с именем Лазарь, и вместе с отцом воскресить эпоху, голоса, сознания людей, творивших её. Сюжет отсылает к проявлению чуда как явлению личностного сознания.

Есть ещё один объект воскрешения: умирающий Лазарь – это русский народ, истощенный и уничтоженный гражданской войной, голодом, социальными репрессиями, потрясениями; это Россия, богоизбранная страна, подвергающаяся глобальному эксперименту, переживающая социальное чудо – создание новой реальности. В этом

аспекте центральной сюжетной линией романа стоит назвать судьбу двух братьев Кульбарсовых: Федора и Николая, каждый из которых предлагает свой путь спасения, то есть воскрешения России, – с помощью молитвы к высшей силе и посредством открытия и понимания оставшихся в текстах идей, идеалов предков, получающих значимость, делающихся живыми, в новой реальности.

Чудо как социальное и историческое явление связано с Октябрьской революцией 1917 года, в сюжете романа послужившей отправной точкой для катастрофических изменений в судьбах главных героев и всей страны (в этом смысле социальные изменения, разом перечеркнувшие жизнь поколения 1910-х годов, можно рассматривать и как античудо, но мистическая семантика Октябрьской революции очевидна). Революция ознаменовала конец детства и юности, конец „игры в монастырь”, наступление „ужасной жизни”. Первая мировая война, а затем революция разрушили союз „четырех”: Федор Кульбарсов должен был жениться на Наталье Колпиной, Николай Кульбарсов – на Катерине Колпиной, либо все вместе уходили в монастырь, это единение держало их в реальной жизни, давало веру в будущее, делало будущее обозримым и значимым. Первый удар связан с „предательством” Николая и Наты, поженившись, они разрушили „игру”, поставили под сомнение возможность счастливой монастырской жизни. Второй удар связан с уничтожением новой властью русской церкви, всего православия, что приводит братьев Кульбарсовых к мыслям о смерти России и русского народа. Однако в катастрофичности социума открывается возможность воскрешения, и возникают различные варианты чудесного воскрешения, собирания народа. Прежде всего, этот процесс связан с учением Николая Кульбарсова, который увидел в большевистском режиме возможности для нравственного и духовного исцеления русского народа, будущее преодоление смерти, построение не просто справедливого земного мира, но рая на земле, поэтому герой и начинает сотрудничать с чекистами. Автор предлагает ряд текстов (письма, дневник, устные свидетельства), в которых воспроизводится судьба и учение Николая Кульбарсова, уповающего на Бога, ждущего от него знака и дальнейшего воскрешения погибающего народа и страны. Человек предстает в роли Лазаря, ждущего своего воскресителя, ждущего чуда. Ради этой идеи Николай готов жертвовать семьей, дочерью и даже самим Богом, а в итоге приходит к мысли о вине Бога во всем зле мира и снимает ответственность с человека.

Идея Николая состоит в „собрании”, объединении русского народа после страшной братоубийственной войны, для этого он задумывает пеший поход из Москвы во Владивосток с целью пропаганды смирения, милосердия, прощения. Он мечтает спасти народ, вернув его в русло христианских идей. Ожидание спасения связывается им „с отказом от тела, от плоти – главных хранителей грязи, греха, похоти, главных искусителей, не дающих человеку исправиться и начать жить праведно, в соответствии с Божьими заветами. В революцию и Гражданскую войну по этому пути пошла вся Россия. В России с каждым днем становится неизмеримо больше духа; он виден сквозь совсем разреженную плоть

людей, которые едва-едва не умирают от голода, от тифа, от холеры. Эти люди, если говорить об их плоти, бесконечно слабы, они томятся, никак не могут решить – жить им или умереть. Их манят два таких похожих светлых царства: одно привычное – рай, другое – обещанное здесь, на земле – коммунизм” [12, с. 27]. Проповедник Кульбарсов аккумулирует русские религиозные и социальные утопические течения первой половины XX века, которые внедряются в сознание Коли носителями этих учений, и с помощью НКВД становится центром по формированию проекта будущего всеобщего воскрешения. Он возрождает идеи, во-первых, Н. Федорова о природе как враге человека, ибо она определяет „порядок существования, стоящий на рождении, половом расколе, взаимной борьбе, вытеснении и смерти” [12, с. 83], и идею человека как соратника Бога по делу воскрешения; во-вторых, – идеи русского космизма, в частности, К. Циолковского, последователем которого является Матвей Сигизмундович Порецкий, сосед Коли по коммунальной квартире. Основная мысль Циолковского, в интерпретации Порецкого, заключается в возможности преодоления земного тяготения и выхода человечества в космос, где и произойдет процесс воскрешения. С точки зрения Порецкого, с помощью науки человек может стать творцом новой жизни на Земле, взять на себя функции демиурга, воскресителя. Попытки власти переделать природу (повернуть реки, осушить болота, освоить целину), проникнуть в космос можно рассматривать как прямое воплощение идей космистов. В-третьих, возрождаются толстовские идеи коммуны, декларируемые Халюпиным, который видит в коммуне образец земногорая. Жизнь коммуны предстает как жизнь после воскрешения, и все, кто вошел в коммуну, воскрешены уже при жизни. Поэтому идеи новой власти и учение Толстого органично связываются, коммуны легко влились в колхозы, коммунары легко становились следователями НКВД, чекисты из толстовцев выступают как новые пророки, желающие обратить в новую веру и борющиеся с врагами „райской жизни”.

В-четвертых, каноническое православное, а также старообрядческое христианство, представленные в судьбах Ефросинии Кузовлевой и о. Иоанна. В эпоху активных, агрессивных методов перестройки человека и реальности эти персонажи говорят о христианском всепрощении греха и красоте, „чудесах” земного мира, устроенного по замыслу Божьему, данного человеку во владение и отвечающего за него. Социальное „чудо” новой власти призывает отказаться именно от ответственности (движение от „мое” к „наше”, а значит „ничье”), от возможности четкого ответа: „кто виноват?”, – все и никто. Поэтому репрессивные механизмы 1930-х годов формируют не личностную ответственность каждого за свою семью, работу, страну, но страх оказаться виноватым, отсюда донос на соседа, подписание заведомо ложных показаний, открытие тайны исповеди, предательства. Николай Кульбарсов, аккумулируя в своем учении утопические теории первой половины XX века, отмечает в реальности последствия отказа человека от личной ответственности, поэтому

обвиняет Бога, жаждет суда над ним, становится теоретиком чекистского „чуда”.

Проект практического воскрешения разработан на основе Колиных взглядов заместителем начальника НКВД, талантливым чекистом Ильей Спириным. Организуя „Ходынское стояние” 1936 года, Спирин считал, что стране необходима ещё одна революция, ещё одна гражданская война, которая отделит „чистых” от „нечистых”, и тогда победа новой власти, нового строя будет окончательной. Для этого он попытался столкнуть братьев Кульбарсовых, организовал восстание одних чекистов против других. „Учение” Спирина излагают спасенные по его приказу начальники областных НКВД: перед лицом разгневанного народа, требующего расправы, чекист кается и просит прощенья, но тут же объясняет, что репрессии, которым подвергся народ, необходимы и оправданы, „без них невозможно искупление первородного греха человека, нового греха, который накопился уже после явления на землю и распятия Иисуса Христа. Поймите, мы убивали только тех, кто, быть может, и не сознавая, мешал сегодняшнему дню, мешал основной центральной задаче партии – воскрешению всех когда-либо живших на земле людей” [12, с. 290]. пытки, издевательства, насилие, расстрелы необходимы для того, чтобы человек, как провинившийся Адам, полностью осознал свою вину, дал на себя исчерпывающие показания, чтобы затем быть воскрешенным и готовым к новой жизни. Репрессивные меры получают семантику инициации, нового рождения. Человек на следствии полностью осознает свой грех и вину и через смерть обретает право для новой, праведной жизни. Чекисты становятся единственными хранителями подлинных знаний о человеке, только они могут спасти и воскресить. Расчет Спирина оказался верным, областному начальнику народ верит, и первыми, кто откликается на идеи воскрешения, становятся родственники жертв, полагая, что с помощью чекистов восстановят прерванный род. С точки зрения автора, в подобных практических проектах заключалась сила советской власти. Власть совпала с глубинными чаяниями народа о преодолении зла и смерти в мире, которые отразились в утопических философских учениях. Власть предложила быстрый способ переделки сложного и злого мира в простой и добрый рай. От человека требуется следовать определенному порядку, быть „послушным”, тогда он будет достоин воскрешения.

Как и все утопические проекты, Ходынское восстание терпит поражение: якобы расстрелянный и воскрешенный „железный нарком” Лазарь Каганович пережил всех своих соратников и дожил до 1970-х годов, чудо оказалось фарсом, Спирин был расстрелян, Ната Колпина никому не досталась, братья не убили друг друга, советский миф рассыпался. С точки зрения автора, социальные и исторические чудеса абсурдны, потому что строятся на бессмысленных жертвах, повторах, тупиках. Лишенной смысла оказывается жизнь фанатиков идеи, утопии: Спирин не только творец „чуда воскрешения”, но и его жертва; Коля Кульбарсов – лишь „собиратель” идей, но личностного их осмысления и духовного прозрения как следствия осмысления в его судьбе нет, в

старости он одинок и озлоблен; остальные участники „Ходынского стояния” – лишь жертвы системы, выброшенные из реальности, пропавшие в лагерях, умершие и не воскрешенные. Исторический эксперимент, революция, социальное чудо, осмысливается Шаровым как недолжное историческое событие, в результате которого „никто в России не прожил жизнь так, как хотел” [1]. Проза Шарова выражает постмодернистское восприятие истории как круга, тупика, бессмысленного повтора, где невозможен духовный идеал.

Обратимся к другому проявлению чудесного – теистическому чуду, свидетельству присутствия высшей силы и доказательству веры отдельной личности. В сюжете романа этот мотив связан с феноменом юродства и с судьбой другого брата – Федора Кульбарсова (о. Феогноста). Отсылая к трудам Д.С. Лихачева, А.М. Панченко [6], Г. Федотова) [9] о смысле юродства, напомним, что юрод противопоставляет себя не только греховному социуму (аскеза, асоциальное поведение, безнравственность с целью поношения от людей), но и благочестивой церковной жизни, так или иначе зависящей от государства и светской власти. Физической и нравственной убогостью юрод как бы материализует мысль Христа о блаженстве нищих духом (Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 3). Действительно, кроме Бога и веры, у юродивого нет никакой иной защиты, он свободен от власти, социума и церкви, в том числе от страха перед ними, но несет личную ответственность перед Богом как за праведную жизнь, так и за грехи. Поэтому в размышлениях о. Феогноста о юродивых заложено желание сделаться одним из них: „К Рождеству 28-го года Феогност, похоже, уже окончательно решил на себя подвиг юродства, если получит благославление от своего духовника старца Питирима. Он был убежден, что только в юродстве вера во Христа сохранилась в первоначальной чистоте. Что Христос, когда говорил: опроститесь, будьте как дети, и войдете в Царство Небесное, имел в виду именно юродивых. Церковь испокон веков зависела от власти и, когда та от нее отвернулась, больше того, стала бить смертным боем, испугалась, начала делать вещи, которые Христу быть угодны никак не могли. А юродивые – другая статья, они как жили раньше, так и сейчас живут, им Бог, а не ГПУ указ” [12, с. 140].

Вера юродивых в романе дается как истинная, именно в жизни юродивых обнаруживается проявление высшей воли – теистическое чудо. В сюжете романа два значимых эпизода: чудеса, связанные с юродивой Грушенькой, и чудо освобождения из лагеря Кати Колпиной.

Блаженная Грушенька отличается внешним физическим юродством (скрюченная, немощная калека) и кротким нравом, чистым, ясным лицом, пророческим даром. Посланные ей жизненные испытания (отказ родителей, болезни, одиночество, голод) она переносит не жалуясь, уповая на всемогущество Бога, и только Он один становится ей защитой. Чудесным образом появляющиеся дрова, мука, свет и благоухание, явление Девы Марии и святых великомучениц Устиньи и Елизаветы – знаки, свидетельствующие об избранности Грушеньки, о её угодности Богу. Возможность „быть Грушенькой”: без вопрошания, без

сомнения, с кротостью верить и молиться и получать ответ – становится целью Феогноста, который стремится к чистоте веры юродивых. Однако чудо дается не ему, но его келейнице Кате Колпиной. Отбывая восьмилетний срок в лагере, Катя в молитвах просит Деву Марию, Николая Угодника и Илью-пророка взять на себя её срок (по два года каждому) и тем спасти её маленького воспитанника, к которому ей срочно нужно вернуться. И чудо свершается, отсидев два года, Катя освобождается и успевает приехать к своему Костику до смерти его опекуна. История Кати показательна в том смысле, что ей вместо Феогноста как бы дается возможность приобщиться к святости юродства и Божьим чудесам. Катю отличает кротость, смирение перед судьбой, огромное человеколюбие и, главное, стремление к личной ответственности за собственные поступки. Она сознательно жертвует возможностью счастливого материнства ради Феогноста, она берет на себя тяжесть молитвы во время арестов Феогноста, на время становясь блаженной, исполняя подвиг служения миру, заботится о чужом ребенке и становится ему матерью, совершает нравственный подвиг на допросах в НКВД, не подписывая ложных показаний на невинных людей. Вера Кати, понимаемая как личная ответственность („ужас у неё вызывало то, что вот сейчас она сдастся, подпишет, а завтра десяток ни в чем не повинных людей из-за неё пойдут в лагерь или погибнут” [12, с. 176]) перед людьми, Феогностом, Костиком, миром, Богом дает основания для совершения чуда ради неё. В случае с Катей реализуется, по Лосеву, совпадение идеально-замысленного и реально-исторического личностных планов, „одного” и „иного”, когда человек в индивидуальном свободном выборе следует желанию постигать вечные нравственные нормы, настраивается на диалог с Богом. Поэтому Катя осознает не только должные поступки своей судьбы, но и имеет мужество каяться в грехах, ни в коем случае не претендуя на святость рядом со святым пророком, каковым станет впоследствии Феогност.

Сюжет приобщения Феогноста к святости, к подвигу юродства, которые ему даны в финале жизни, связан с третьим уровнем проявления чудесного в романе – индивидуальным даром человека совершать чудеса. В этом случае автором используется и проверяется житийный канон. Уже в детстве Феогноста отличало особое умение молиться, когда с недетской серьезностью он вопрошал Бога о вещах, ответа на которые никто не знал: „...тот же Никодим, когда впервые услышал его молитву, говорил родителям мальчика, что с замиранием ждал, что вот сейчас Христос подойдет к ребенку и всё ему объяснит, и он, Никодим, наконец поймет то, что ему давно не дает покоя” [12, с. 109]. Эти молитвы – в полный голос и с вопросами надежды и сомнения, по свидетельству многих очевидцев, „одна из немногих нитей, может, последняя, что еще связывает Бога с людьми, среди всей бесконечной крови, зла и смертоубийства” [12, с. 109]. Молитва – это первое чудо, которое в стремлении приблизится к Божьей истине творит Феогност. Ему легко дается монастырская жизнь, учеба в Духовной Академии, церковная карьера.

Вторым чудом в судьбе Феогноста является столкновение с бесами. Бесы начинают досаждают Феогносту сразу после пострига, искушение бесами для многих свидетелей жизни священника становится доказательством его избранности и святости, так считает Катя. В житийном каноне борьба с бесами является неотъемлемой частью сюжета, победа святого над нечистой силой совершается с помощью молитвы, поста, аскезы, незыблемой веры. Однако Феогност не справляется с нечистой силой (чем порождает большие сомнения в силе собственной веры, например, у своего духовного сына Судобова), затевает игры с бесами, с помощью черной магии заставляет их служить себе. С одной стороны, герой совершает зримые чудеса: бесы готовят обед, убираются в доме, перебирают крупу, но, с другой стороны, чудеса магии свидетельствуют о слабости Феогноста, который в период игр не только перестает молиться, ходить в церковь, размышлять о вере, но и полностью отказывается от возможности постижения Бога. Чудо власти над бесами свидетельствует о глубоком кризисе, происходящем в душе героя.

Третье чудо связано с трудным путем Феогноста к дару пророка, к воплощению феномена юродивого, каким его знают и повествователь, и его тетка Галина, и многие люди, кому он помог исцелиться и найти душевный покой. Это чудо выживания в тюрьмах, лагерях, психиатрических лечебницах. Начиная с 1928 года и вплоть до 1960-х годов, Феогност проходит все круги гулаговского ада, повторяя судьбу библейского Иова, и приходя к экзистенциальному прозрению всемогущества Бога и ответственности человека за себя, свой выбор, свою веру, реальность. Постигание Феогностом земного зла, смертей, предательства, лишений связано с обретением уверенности в своей правоте, в своей вере, что вознаграждается пророческими прозрениями и способностью помочь людям.

Но автор профанирует канон жития. Добиваясь подвига юродства, Феогност во многом отступает не только от житийного канона, но и от веры. Например, признаки блаженного безумия появляются от интеллектуального усилия, продуманной хитрости, которая спасает Феогноста от первого ареста. Обманывая ГПУ, он обманывает и самого себя, и Бога, страшась судьбы мученика и мученической смерти, которую блаженная Грушенька принимает с радостью. Феогносту не даётся физическое опрощение, характерное для юродивого (пугает телесная нечистота, мешают интеллектуальное мышление и многочисленные знания, полученные в университете и академии), поэтому он теряет уверенность в себе и во всемогуществе и всеблагости Всевышнего: „...иногда, по его словам, выходит, что в произошедшем виноват кто-то третий. Он очень искусно к этому подводит, смущая не только меня, но и себя” [12, с. 308]. Феогност далек не только от подвига юродства и жития святого, но от религиозного мировоззрения, от понимания чуда как результата веры, герой отказывается от главного чудесного проявления божественного в мире – от самого мира и личной ответственности за него. Ответственность появляется в тюрьме, лагере, ссылке, когда

исчезает необходимость индивидуального, эгоистического переживания своего положения, отказ от страха приводит к опрощению, Феогност, испытывает те же муки, что и все верующие. В приятии всего мира – и злого, и чудесного – рождается духовное прозрение, дар пророчества. По мысли автора, герой не святой, отсюда деконструкция житийного канона, но путь Феогноста предпочтительнее пути его брата Николая, так как связан с личностным прозрением, совпадением идеального и временного, исторического, планов, что и мыслится чудом.

Три уровня проявления чудесного в романе – чудо как социальное и историческое явление; теистическое чудо; индивидуальное чудо – позволяют сделать вывод. Чудо в поэтике романа становится проявлением духовного прозрения, духовного поиска отдельной личности в историческом процессе. С точки зрения Шарова, история представляет интерес как свидетельства людей о своих поисках, замыслах, идеях. Исходя из этого, автор предлагает несколько вариантов индивидуального прозрения.

Участие человека в осуществлении социального проекта приводит не к улучшению реальности, но к неоправданным жертвам, бессмысленным результатам, историческим повторам. Шаров обнаруживает исторические модели, повторяющиеся в русской истории: революционные перемены XX века повторяют реформы Ивана Грозного и Петра Первого. Реализация идей в истории невозможна, история, отнимая личную свободу, лишает личностного мышления, делает из человека жертву. Шаров предупреждает об опасности насилия как исторических мифов, так и исторических экспериментов, провоцируемых утопическими идеями.

Народное сознание, откликаясь на социальные чудеса и утопические идеи, участвуя в активной переделке реальности, сохраняет архетипы святости, веры, смирения и творит новые мифы о подвиге веры и проявлении божественной воли.

Изменение положения человека в реальности социума возможно только в сфере личностного мышления, поступка, ответственности. Человек имеет возможность выбора без переделки или создания иной реальности, без фанатичного следования идее, социальным иллюзиям.

Думается, в этих положениях заключается стратегия Шарова, поэтому в финале романа повествователь отказывается от федоровской идеи физического воскрешения отца и делает выбор в пользу воскрешения свидетельств истории, оживляя многие голоса и судьбы (совершая индивидуальное чудо воскрешения) для самоопределения в контексте многих возможностей.

1. *Быков Д.* Что случилось с историей? Она утонула : [интервью с В. Шаровым] [Электронный ресурс] / Д. Быков // Русская жизнь. – 2007. – № 3 (8 июня). Режим доступа : <http://www.intelros.ru>.
2. Большой энциклопедический словарь : в 2 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Сов. энцикл., 1991.

3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1991.
4. *Курицын В.* Русский литературный постмодернизм / В. Курицын. – М. : ОГИ, 2000. – 288 с.
5. *Липовецкий М. Н.* Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики / М. Н. Липовецкий. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1997. – 317 с.
6. *Лихачев Д. С.* Смех в древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. С. Понырков. — Л. : Наука, 1984. – 296 с.
7. *Лосев А. Ф.* Из ранних произведений. Философия имени. Музыка как предмет логики. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М. : Правда, 1990. – 655 с.
8. *Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература / И.С. Скоропанова. – М. : Флинта, 1999 – 607 с.; или Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И.С. Скоропанова. – СПб. : Невский Простор, 2002. – 416 с.
9. *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси / Г.П. Федотов. – Париж : YMKA-PRESS, 1989. – 243 с.
10. *Флоренский П. А.* О суеверии // Философские науки. – 1991. – № 5. – С. 87-108.
11. *Шанский Н. М.* Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М. : Просвещение, 1971.
12. *Шаров В.* Воскрешение Лазаря : роман / В. Шаров. – М. : Вагриус, 2003.
13. *Шаров В.* „Я не чувствую себя ни учителем, ни пророком”. (Беседу с писателем ведет Н. Игрунова) [Электронный ресурс] / В. Шаров. – Режим доступа : <http://magaziness.russ.ru/druzhba/2004/8/shar14.html>.
14. *Эпштейн М.* Постмодерн в России: литература и теория / М. Эпштейн. – М. : ЛИА Р. Элинина, 2000. – 368 с.

Аннотация

Рассматривается роман известного русского писателя В. Шарова „Воскрешение Лазаря” (2003). В контексте постмодернистской „псевдоисторической” прозы категория чуда, чудесного, мистического не столько профанируется, сколько служит главной авторской стратегии – выявить в русской истории, в частности, в событии Октябрьской революции 1917 года и последующих политических репрессиях различные варианты восприятия истории и поиска множеством людей духовной опоры в новой социальной реальности.

Ключевые слова: *чудо, постмодернизм, история, псевдоистория, личность, идея, категория поступка, личная ответственность, В. Шаров.*

Summary

In the article on example novel of well-known Russian writer of V. Sharov „Resurrection of Lazar” give particular attention motif of miracle, which expose of different version Russian history and different idea. Miraculous, mystical expose search of the personality spiritual ideals in history.

Key words: *Miracle, postmodernism, history, V. Sharov, personality, action, idea, responsibility.*